

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр Брандт

Палестинский дневник

Поэт Петр Брандт, мне представляется последним "шестидесятником" Петрограда. В поэзии он, по-прежнему, романтически приподнят, быт не трансформировал его сознание запрограммированными подарками кайфа, его творчество остается отгороженным от заработка, а корни дружбы уходят в начала нашего свободомыслия и новословия.

"Палестинский дневник" печатают с сокращениями.

Б.И.

Часть первая

ГРЕЦИЯ

27.IX. Самолет приземлился в афинском аэропорту около 4-х часов дня. Предстояла длительная процедура проверки виз и получения багажа. К счастью, всё прошло благополучно. На выходе из аэропорта нас ждал Элик и Боря. Мы не виделись шестнадцать лет. Оба не очень сильно изменились. Думаю, что узнал бы обоих, даже случайно встретив.

У здания аэропорта нас ждала машина, взятая Эликом напрокат здесь же, в Афинах. Это принятая форма пользования автотранспортом на западе. Наш автомобиль - маленький автобус японской фирмы "Митсубиси" - типа нашего "Уаза". Как выяснилось позже - любимый тип автомобилей Элика. Тут же на выходе из аэропорта нас бесплатно угостили маленькой бутылкой вина каждого - добрая традиция гостеприимной Греции (нам повезло прилететь в "день туриста").

Итак - первая поездка на машине по Афинам - от аэропорта до гостиницы "Амалия", расположенной в центре города. Ехали на хорошей скорости по центральной магистрали города. После нашей "перестройки" поражает изобилие продуктов и товаров в витринах магазинов и просто в лавках, большие разноцветные рекламы. Обилие автомобилей и туристов. Публика - праздная, средиземноморская.

"Амалия" - роскошный отель. Нам с Машей ребята сняли поциальному номеру каждому. В каждом номере - две кровати, телевизор фирмы "Филипс", кондиционер и т.д.

Дружеский ужин в номере гостиницы. Пили лучшую в мире водку и шотландское виски. Закусывали продуктами, оставшимися у нас и у ребят после самолетной трапезы - первый самодеятельный ужин (халь было выбрасывать продукты). После ужина поехали купаться. Первое купание в Эгейском море (уже в темноте), на пустынном пляже. После купания прогулка на машине по ночному городу. Около гостиницы, на стоянке, Элик оставил машину,

и мы пешком направились в район ночных развлечений с названием "Плака". Позже я узнал, что такие районы есть во всех крупных средиземноморских городах. Яркоосвещенные улицы Плаки переполнены праздногуляющими, как жителями Афин, так и иностранными туристами. Огромное количество ресторанов, кафе, лавок с сувенирами, работающих до глубокой ночи. Публика - приветливая и доброжелательная, немного ленивая, как это бывает в иных городах после жаркого дня.

Ужинали второй раз в одном из уличных ресторанов Плаки. 28.IX. Я проснулся рано - в шесть утра. Все еще спали, и я один вышел на улицу. В это время ни в Афинах еще пустынно. В поисках действующей церкви спустился в нижний район города к Акроплю и недалеко от него нашел небольшую действующую церквушку. Она оказалась открытой, но пустой. Однако, вскоре после того, как я зашел, вышел псаломщик - молодой худощавый человек лет двадцати и начал читать правило на греческом языке. Так мыостояли с ним вдвоем около часа. Когда я возвращался, город уже вовсю бодрствовал. Афины, как и Ленинград, - город с параллельными улицами и заблудиться в нем трудно. По дороге нашел еще несколько действующих церквушек. Огромное количество туристов. Некоторые из них почуют прямо на улице.

Еще раз убедился в том, что каков бы ни был город - церковь всегда одинакова и для меня всегда - самый таинственный стержень любого путешествия.

... Во второй полсвите дня мы погрузились в нашу "Митсубиши" и направились на северо-запад Греции, на Андриатику, к острову Корфу (где-то здесь Ионическое море переходит в Адриатическое).

На выезде из города купили грозь бананов, которые здесь продаются на каждом шагу.

Дорога на север Греции лежит через Ламию Ларису, потом на запад через Ирину на Икуменицу, - сначала идет вдоль берега моря, затем уходит в глубь страны - в горы. В горах заехали заправиться в небольшой городок. Провинциальные городки Греции - замечательное зрелище. Вдоль улиц - небольшие, но очень уютные и, по нашим понятиям, роскошные кафе открытого типа. Посетители приходят сюда не столько для того, чтобы выпить и закусить, но для того, чтобы пообщаться, и сидят все развернувшись

шись к дороге. Такое я видел только в итальянских фильмах. Вообще, изобилие товаров, продуктов и сувениров, поразившее нас в Афинах, имеет место и здесь и, быть может, еще более поражает, если заглянуть в мини-маркет (по-нашему говоря, "Сельмаг").

Вдоль всей дороги, через каждые пять километров — небольшие ковчеги с иконами различных святых, усердно ухоженные, с зажженными лампадами.

Ужинали поздно вечером в чудесном городке Янина, и только к ночи добрались в Икуменицу. В отеле, не таком шикарном, как "Амалия", но по нашим понятиям роскошном, сняли три номера. Заснули поздно.

29.IX. Встал около семи. Вышел из гостиницы. Икуменица — небольшой туристский городок с церковью на побережье Адриатики (впрочем, может быть, в этом месте оно еще Ионическое). Именно здесь расстояние между Грецией и Италией самое короткое. .... Побеседовав с одной из служащих туристского центра, я понял, что мы поторопились взять билеты в Израиль. На Корфу, вероятно, мы без труда могли бы поставить себе итальянские визы. Но дело было уже сложено. Самолет в Тель-Авив отправлялся 30-го вечером, так что не только в Италию, но и на Корфу мы по времени уже не успеваем.

Я вернулся в наш отель и разбудил ребят. Позавтракав, мы погрузили вещи в наш автобус и поехали на берег моря. Вода в Адриатике — чистейшая, видно на большую глубину. Искупавшись, мы проехали немного на север, к албанской границе, но в Албанию не поехали, а свернули на нашу старую дорогу. Теперь уже мы смогли увидеть ее при дневном свете. Северная Греция очень красива. Это горная страна, чем-то напоминающая южные склоны Кавказа. Обедали в одном из небольших городков: пили сухое вино, мне принесли фирменную жареную рыбку (форель), которую разводят и ловят тут же в озере. ... К середине дня мы добрались до места Метеора. Здесь, недалеко от дороги, в горах, на неприступных скалах расположено несколько небольших православных монастырей, из коих два нам удалось посетить: монастырь св. Себастьяна и еще один. Я поставил свечи и, побеседовав с монахиней и служителями храма, оставил поминальные за-

ники. К монастырям св.Троицы и св.Великомученицы Варвары мы только подъехали, подниматься и заходить внутрь уже не стали. Вечером были снова в Афинах. ...

30.IX. Утром, позавтракав в кафе гостиницы, снова погрузились в нашу "Митсубиси" и направились теперь уже на юго-запад от Афин в сторону Коринфа. Дорога - живописная и очень оживленная. Слева - Эгейское море, справа - Коринфский залив. ...

Элик водит машину великолепно. Скорость на равнинных трассах до 140 километров в час, на горных дорогах, конечно, несколько меньше.

Где-то к полудню достигли города Коринф. Здесь Эгейское море отделяется от Коринфского залива узким перешейком, так что стоя на мосту над каналом, соединяющим Коринфский залив с Эгейским морем, великолепно видно оба моря. Сам Коринф - древнегреческий город с остатками древних дворцов и храмов. Тут же музей древнегреческой скульптуры. Отсюда открывается замечательный вид на Коринфский залив.

Прощай, Коринф! Галеры с грузом
Краснофигурных хрупких ваз
На полдороге к Сиракузам
Шлюют, качаясь, мимо нас...

Вспомнилось стихотворение знакомого сайгоновского поэта Михаила Зарайского, никогда здесь не бывавшего.

В Афины вернулись часам к трем дня. В прокатном центре Элик узнал, что мы можем сдать машину прямо в аэропорту в последний момент, так что мы спокойно отправились в Акрополь. Об Акрополе писать ничего не буду - что это такое - известно. После этого приехали в аэропорт (кстати, в Афинах их - два), победали, оформили билеты и багаж и поехали купаться. За сорок минут до взлета мы еще были в Эгейском море.

Самолет "Боинг - 707" греческой авиакомпании "Олимпик" поднялся в воздух в шесть часов с минутами. Полет происходил уже в темноте, так что до огней Тель-Авива в иллюминатор ничего не было видно. Справа от меня сидел Боба, слева - какая-то девушка-палестинка, которая учится в Венгрии и теперь добиралась к своим родителям в Израиль. В девятом часу самолет приземлился в аэропорту. К борту, как всегда, подали автобус, из

кабине которого вышел Исаак. О том, что он работает в Тель-авивском аэропорту, я узнал еще в Ленинграде. Встречать нас приехали все: Маринка, Левка Ингун... Все приехали из разных мест, так что машин было очень много. Поэтому в Баркан - поселок Самарии, где живут Элик и Исаак, нам пришлось ехать всем в разных машинах. Довольно скоро мы подъехали к поселку, охраняемому людьми с автоматами. Это и был Баркан.

Сразу скажу, что дома, в которых живут Элик, Исаак и Боря в Реховоте, очень мало похожи на наши дачи. Это - роскошные виллы с большим количеством комнат, огромными холлами, террасами и балконами, подсобными помещениями, украшенными современной живописью и великолепной мягкой мебелью. В каждом доме - по несколько ванных комнат и туалетов. В доме Бори - две кухни. Такие виллы я видел прежде только в кино. Перед каждым домом - сад, полный цветов и южных плодовых деревьев, названия большинства которых я не знаю.

На веранде у Элика был уже накрыт большой стол. Встречали нас Алла и Елена Семеновна. Елена Семеновна, мне кажется, не изменилась вовсе. Спать легли поздно.

Часть вторая

ИЗРАИЛЬ

I.X. Проснулся около семи. Утром на кухне бешедовал с Еленой Семеновной. Рядом с моей комнатой - большой балкон-терраса, изу откуда открывается великолепный вид на горы Самарии и на Тель-Авив.

Около девяти часов все собрались, позавтракали и, усевшись в машину Элика, двинулись в глубь самарийских гор, в место с названием "Шхем". Проезжали арабские деревни. На израильских дорогах повсеместно - военные вооруженные посты.

Первое мемориальное место - место жертвоприношения Авраамом Исаака - довольно большой камень на вершине горы, недалеко от него - место чудесного сна Иакова (лестница в небо) - впрочем, и то, и другое по версии самаритян. Чуть дальше - ущелье Шхем или по-арабски - Наблус. Справа и слева - две горы: гора "проклятия" и гора "благословения". Когда израильтяне вступали в обетованную землю, пророк и вождь на-

рода Иисус Навин учредил следующую процедуру: все священники были разделены на две части. Часть стояла на горе благословения, другая - на горе проклятия. Когда народ Израиля следовал по ущелью между этих гор, священники с горы благословения произносили божьи призывы Израилю, а с горы проклятия - запреты. Так еще раз осуществлялось обучение народа Божьему закону.

Самария - места известных евангельских событий (ев. от Иоанна, гл.4). Беседа Спасителя с самарянкой у колодца Иакова. ... Сейчас мы переживаем время возрождения церковной жизни в России. Повсюду реставрируются и вновь открываются оскверненные православные храмы. Церковь начинает играть серьезную роль в жизни государства. Не бывает дня, наверное, чтобы в какой-либо телевизионной передаче не помянули бы о делах церковных. Все это - несомненное благо. Но не забыть бы нам при всем этом внешнем возрождении церкви слова Господа, обращенные к самарянке. Главная-то церковь - в Духе и Истине. Её-то и следует, мне кажется, в первую очередь возрождать. Найди Бога в своем сердце - "...ибо таких поклонников Отец ищет Себе".

К полудню в Израиле обычно зной, поэтому около часа дня прекращается всякая работа и торговля на улицах и наступает время дневного отдыха, так называемая "сиеста", которая длится до четырех часов дня.

Около часа мы были дома. Обедали и отдыхали.

С первого же вечера в Баркане начались сюрпризы. Сначала встретил своего старого знакомого по Малой Садовой Витичку Богуславского, который живет здесь же, по соседству с Оликом, и, как позже выяснилось, является главным архитектором поселка и автором большинства этих вилл.

Около пяти дня, после обеда, мы с Машей и Анной - дочкой Исаака в марининой машине марки "Шевроле" отправились к ней домой в Иерусалим.

... В предместье Иерусалима, где живет Марина, подъехали уже в темноте. По дороге мы с Машей с немальным удивлением узнали, что столицей Израиля официально много лет является Иерусалим, а не Тель-Авив, как об этом нам сообщают средства массовой информации.

В одном из домов на окраине Иерусалима "Нове Иаков" у Маринки трехкомнатная квартира.

2.Х. ... Старый Иерусалим – город неподражаемый. Узкие улочки, в которых толпятся люди всех национальностей и религий мира. Религиозные евреи – с пейсами, в черных широкополых шляпах и лапсердаках, пестроодетые арабы, торгующие фруктами и украшениями, сувенирами для туристов в лавках с восточными яичками и товарами и просто на мостовой, бедуины с белыми кофиями на головах, христианские монахи – католики и православные (в основном греческой или армянской церкви). Бесчисленное количество лавок, прилавков, маленьких закутков, где пьют турецкий кофе, специальных курилен, где арабы курят кальяны. Тут же – пестрые толпы современно одетых туристов из самых разных стран.

Миновав несколько улиц, я оказался перед дверями христианского храма. У самих дверей ко мне подошел человек, сказал, что он гид и предложил показать мне храм. И тут я узнал, что это – храм ГРОБА ГОСПОДНЯ. Гроб Господен находится в самом центре храма. Это каменный грот в куске скалы, у дверей которого сидит монах со свечами. Я взял у него свечу и вошел в грот. Там какая-то молодая женщина молилась перед тем местом, где лежал Христос. Я встал подле нее. Так мы стояли некоторое время вместе, потом я поставил свечу и вышел. Всё было так неожиданно, что осмыслить это я смог только спустя некоторое время. Тут же, у Гроба мне вручили памятный билет, который получают все посетители.

Вернулся к Марине около двух. Вечером были в гостях у ее друзей, тоже эмигрантов из России – Эдика и Ханны. Они построили себе дом в поселке типа Барканы недалеко от Иерусалима. Дом такого же типа, как в Баркане. Вернулись домой поздно.

3.Х. Утром снова поехали в Иерусалим. Теперь уже с Марией.

Маша Вязьменская – старинная маринина школьная подруга. Марина пригласила ее одновременно со мной, о чем, впрочем, мы оба узнали в Ленинграде совершенно случайно и в последний момент. Но узнав, решили добираться вдвоем. Так мы с ней стали попутчиками в этом путешествии.

Опять пришли в храм Гроба Господня. Я заговорил с одним греком, Английского он не знал, пришлось говорить по-французски (французский у меня слабее, но объясняться могу). Он по-

оказал нам весь храм. Собственно, там не один храм, а несколько храмов под одной крышей. Самый большой храм – греческий – прямо перед Гробом Господним, а слева от него – такой же, католический. Тут же рядом – армянская церковь, тут же – святое место – семейный гроб праведного Иосифа, похоронившего Христа, тут же место, где его обернули плащаницей. За алтарем большого храма, в подвале – еще один храм, построенный в память Обретения Креста Господнего святой царицей Еленой Константино-Палестинской стантинопольской. Наконец, тут же в храме – вершина Голгофы и на ней – два престола – греческий и католический, на самом месте распятия. Особым образом ограждено и почтается предполагаемое место нахождения Божьей Матери во время распятия и место встречи Спасителя с Марией Магдалиной после Воскресения. Словом, на каждом шагу здесь величайшие святыни. Грек оказался глубоко верующим человеком и жил сейчас здесь же, в Ефлееме, в монастыре.

Выйдя из храма, двинулись в глубь города по дороге – Виа Долороза (дорога Христа на Голгофу). Вокруг – неописуемое количество пестрой публики и самых экзотических товаров. На одной из улиц, в глубине дома, я увидел женщину, расписывавшую иконы. Мы зашли в дом. Женщина оказалась монахиней монастыря св. Вероники, расположенного в этом же самом доме. Вообще, в Иерусалиме, среди обыкновенных домов множество церквей и монастырей самых различных христианских конфессий – католики, греческая церковь, армянская, мусульманская, большие и маленькие еврейские синагоги.

В центре города зашли в маленькую кофейню. Нали кофе по-турецки. Услышав русскую речь, к нам подсели какой-то польский еврей из давнинного Вильнюса... Был очень рад встретить русских, рассказывал нам о своей жизни и около получаса гулял с нами по Иерусалиму, а потом как-то незаметно, не попрощавшись, исчез, так же неожиданно, как и появился.

Мы пересекли город и через Львиные ворота вышли к Гефсимании. Была середина дня, и все храмы были уже закрыты. Немного отдохнув, мы вернулись в город и двинулись в сторону "Стены Плача".

Стена Плача – основание разрушенного храма Соломона у Золотых ворот старого города – место постоянной молитвы

евреев. Она разделена на две части – мужскую и женскую. Основная ее часть – под открытым небом, но с обеих сторон в конце к стене пристроены крытые помещения. Перед стеной всегда множество правоверных евреев в характерных одеяниях, творящих свою молитву с причитаниями и непрерывными полупоклонами. В расщелинах стены – огромнее множество записок (надо полагать, с просьбами к Богу). Над Стеной Плача, на месте бывшего храма Соломона, теперь находятся две арабские мечети. Одна из них с огромным золотым куполом бросается в глаза на всех панорамах города.

В этот день мы вернулись домой к вечеру. Около восьми приехал Исаак и забрал меня в Баркан.

Но перед этим мы снова захотели посмотреть теперь уже современный ночной Иерусалим. Остановились у какого-то магазина одежды. Исааку не понравилось, как я одет, и он решил переодеть меня с ног до головы. В этом магазине работала его знакомая продавщица, и они вдвоем стали подбирать мне одежду – всё от трусов до джинсов и рубах. В конце концов, меня одели по-новому. Но я до сих пор не знаю, где все мои новые рубахи – остались ли в одной из многочисленных машин или в какой-то из предоставленных мне комнат.

Потом оставили машину и пешком отправились в места развлечений. Это что-то вроде Плаки в Афинах. Исаак заставил меня съесть сразу два мороженых. Мороженое за границей – потрясающее.

Вечер закончили у Дины Исаковны – матери Исаака. Она очень хорошо выглядит и замечательно устроена. У нее квартира в центре Иерусалима – здесь она живет вместе с бабушкой Исаака. Бабушку, так же как и Дину Исаковну, я знал еще в России и разился теперь тому, как она хорошо сохранилась – ей ведь около девяноста лет. Она – бодра, обладает ясным умом и еще вдовствовавшую учить английский язык.

4.Х. Утром вдвоем с Исааком двинулись в Тель-Авив. Ему нужно было дать объявления по работе в русском журнале, так что я заодно получил возможность увидеть русское издательство в Тель-Авиве. Жара стояла с утра, поэтому ехали в закрытыми окнами. Дело в том, что почти во всех современных автомобилях в салоне установлены кондиционеры, и чтобы не было жарко, окна не от-

крывают, а наоборот, закрывают.

Исаак, он же — Саша Цискин, он же — Михаил Бен Лофф — друг моего детства. Мы встретились с ним в последнем классе засечной школы, которую когда-то вместе кончили в Ленинграде. Человек си явно романтического склада, что, впрочем, органично сочетается в нем с трезвостью ума и китайским практицизмом. В юности мы с ним немало путешествовали на попутных машинах по дорогам СССР.

Первой его женой, еще в России была Марина. Они разошлись еще в России, но оба приехали в Израиль. Анна — их общая дочь. У обоих теперь — собственные семьи. И тем не менее, живут они все как бы одним домом.

Еще в юности я замечал за ним это удивительное качество — потребность брать на себя ответственность за всех окружавших. Он называл это тогда разумным эгоизмом. Теперь это выросло в нем и стало чуть ли не глашатайской чертой его натуры, сочетающейся с необыкновенной чуткостью, добротой и терпимостью. Он, по-моему, глава не только своей, но и всех окружавших семей.

Быть может, этой и есть то, что отличает настоящих мужчин.

Русское издательство в Тель-Авиве действительно не блещет роскошью. Шемещается оно в довольно скромном доме, и штат у него тоже весьма небольшой.

Затем оставили машину в одном из гаражей для профилактического осмотра и пошли обедать в районную столовую с китайской кухней. И подошел к тому месту, которое у нас называется "раздача" (как это звучит на арамейском — не знаю, так как не могу перевести это слово даже на знакомые мне языки), и место того, чтобы услышать привычное "проходите быстрей" ... или "давайте без сдачи" ... я вдруг столкнулся с чем-то необычным. Мне стали наперебой предлагать различные листья и гарниры, объясняя достоинство каждого. Я заподозрил здесь какой-то подвох. Но Исаак сказал, чтобы я не волновался — здесь так принято. Расплачивался он, кстати, за все без наличных денег, которые он с собой почти не носит. Это компьютерная система, распространенная во всех цивилизованных странах. Машина подсчитывает сумму, у покупателя имеется маленькая карточка со своим кодом. Машина считывает код, и в банке с его счета автоматически снимается эта сумма. Точно также на его счет начисляется

заработка, так что наличными деньгами они почти не пользуются. А если такие все-таки понадобятся - на каждом углу есть автоматы, которые по этому же принципу, считывая код карточки, выдают требуемую сумму наличными деньгами.

Пообедав, мы забрали машину из гаража и по очень красивой трассе вдоль Средиземного моря направились на Север, в Натанию. Это международный средиземноморский курорт с пляжами и отелями для туристов.

Мы устроились на пляже в почти пустом кафе. Вода в Средиземном море в этот день была как в ванной, однако купание для меня чуть не кончилось трагично. Была очень сильная волна, я не рассчитал свои силы и заплыл довольно далеко. Выплыть оказалось непросто. Но за мной с самого начала следили спасатели, и я не успел устать, как ко мне подплыли мальчишки на специальных досках и помогли мне выплыть. Оказалось, что в этом месте подводное течение, а я по своей советской привычке не обратил внимания на таблички с надписью "опасно".

Весь день до вечера мы просидели в кафе. Исаак пил пиво, а я - апельсиновый и ананасный сок. В кафе, кроме нас, почти никого не было. За соседним столиком сидели две молодые англичанки - немножко ленивые, немножко распущенные и очень счастливые. На пляже царила атмосфера роскошной лени. Это был один из самых спокойных и приятных дней настоящего отпуска.

Вечером заехали в супермаркет в Натании.

Супермаркет - это явление, требующее особого повествования. Об этом нужно писать отдельный рассказ, так как советский гражданин в эпоху ограниченной продажи мыла и спичек, вряд ли сможет себе это представить, не опасаясь за свой рассудок.

Расскажу только об одном эпизоде.

Мы зашли в отдел, специально отведенный для продажи различных видов и сортов шоколада: чернослив в шоколаде, ананасы в шоколаде, шоколад с орехами, шоколад горький, шоколад ванильный и так далее. Исаак купил два сорта и дал мне на пробу марципан в белом шоколаде.

- Ну как, вкусно? - спросил он.

- Не знаю, - впервые за все путешествие ответил я. И я действительно не знал, так как сравнивать это мне было не с чем. Я и марципан-то пробовал раза два в жизни когда-то в детстве,

что же касается белого шоколада, то сам факт такого явился для меня открытием. Можно сказать, что с этого момента я начал новую систему отсчета.

Мы направлялись теперь обратно в Тель-Авив, где в одном из ресторанов у нас было назначено свидание с Эликом.

По дороге нас ожидало еще одно явление. На обочине трассы перед въездом в Тель-Авив стояли молодые девчонки в одном белье — тельавивские проститутки. Стояли по три-четыре рядом и в одиночку, курили, разговаривали друг с другом, демонстрируя при этом проезжающим свои точечные фигуры. Автомобили сбавляли ход и медленно один за другим двигались мимо них. Кое-где на обочине стояли уже пустые машины.

Блудницы на дорогах Палестины. Как тут не вспомнить Фамарь, под видом блудницы соблазнившую своего тестя, патриарха Иуду.

— Это дешевые проститутки, — сказал Исаак.

Ужинали в Тель-Авиве, в ресторане на побережье, уже втроем с Эликом. Я ел рыбу Святого Петра. Тель-Авив — город развлечений. Сами израильтяне так говорят о трех своих главных городах: Иерусалим молится, Хайфа работает, Тель-Авив развлекается. Действительно, машина развлечений работает здесь без перерыва — днем и ночью.

Потом Элик поехал домой, а мы с Исааком — к Бобе, в маленький городок Нес-Циона (Чудо Сиона) недалеко от Реховута.

У Бобы роскошный двухэтажный дом на девять комнат с тремя или четырьмя ванными комнатами, несколькими балконами, двумя огромными холлами — темным и светлым, двумя кухнями и так далее. Темные холлы — особенность тропических жилых строений. Большой холл с маленькими окнами, которые могут быть закрыты наглухо специальными жалюзи. Даже во время сиесты летом, в середине дня здесь не жарко. В светлом холле с большими окнами обязательно ставят кондиционер.

Дом разделен на неравные части. Большую часть занимают Боба с Руфой и тремя детьми, меньшую — Елена Абрамовна — его мать. Рядом с домом — их собственный тропический сад, где растут бамбук, мандарины, манго, плоды которого я собирал прямо с дерева, авакадо, киви и множество таких диковинных растений, названия которых я никогда не слышал и плоды которых пробовал впервые.

5.1. В этот день должна была приехать Елена Абрамовна из Турции, где была с туристическим визитом. Все ее ждали и никуда из дома не отлучались. Весь день я отдыхал на бобиной вилле. В середине дня мы все-таки выехали в Реховут (10 км. от Нес Циона), навестить институт Бейсмана.

Боря Голубев появился в нашей заочной школе, когда ему едва исполнилось пятнадцать лет, для того, чтобы в том же году ее окончить вместе со всеми нами. Это был ярко выраженный вундеркинд, уже успевший привыкнуть к своей исключительности. Перед этим он учился в самой знаменитой тогда 239-ой математической школе – заведении весьма престижном. Эта школа значительно пре- восходившая уровнем все остальные школы города, откровенно готовила кадры для университета. Сами учащиеся отлично понимали, что они элита и держались особняком с нескрываемым превосходством.

Сколько же дерзкой самоуверенностью надо было обладать, чтобы оказаться в такой школе в возрасте 13-14 лет (что очень мало для девятого класса), через год ее бросить и уйти в заочную школу с целью выиграть год.

Боря Голубев, как он сам утверждает, – чистокровный еврей, несмотря на более чем русскую фамилию. Это обстоятельство вызвало со стороны друзей в свое время немало шуток, из коих более всего, пожалуй, заслуживает стихотворение нашего общего товарища Сергея Дурье:

Для того ли пала Иудея,
Для того ль во тьме костры пылали,
Чтоб в двадцатом веке все евреи
Голубевыми внезапно стали?

Таков был он – Боря Голубев – честолюбивый мальчик – вундеркинд, самоуверенно смотревший в будущее, расчитывая, впрочем, вполне обоснованно на свои способности.

Трудно сейчас сказать, когда именно произошла в нем эта глубокая перемена, в какой час, день или год. Никто не заметил, как случилось, что все то, что так вслнует способных молодых людей нашего времени, а именно: карьера, слава, будущее положение в обществе, отошло для него на второй план, уступив место ценностям гораздо менее чтимым, таким как порядочность, доброта, чест-

ность, мужская дружба. В какой момент открылся в нем столь редкий для нашего времени, на мой взгляд, богооткровенный феномен, быть может, тогда, когда окончательно сложилась наша компания, но только он вдруг охладел ко всему, что связано с карьерой, предпочтя этому ростки новых для него истин, внезапно появившихся в его душе, которые он начал бережно выхаживать и лелеять. Не было у меня в то время человека, на которого я мог бы столь уверенно положиться, как на него. Вот таким он и покинул страну шестнадцать лет назад.

Израиль, как мне показалось, его не изменил, с тем исключением, пожалуй, что стал он больше пить и более, чем в ком-нибудь другом здесь в Израиле, заметил я в нем постальгические нотки. Вот тебе и Голубев — не зря все же, видать, у тебя русская фамилия.

Институт Вейсмана — знаменитый научный центр, расположенный на окраине Реховута в роскошном тропическом саду. Очень удобен и уютен. Потом пили пиво в одном из уличных кафе. Реховут — один из провинциальных городков Израиля — так же уютен и приятен, как и другие такие городки, коих я видел немало.

Вечером приехала из Турции Елена Абрамовна. Она забрала меня на свою половину, и мы провели замечательный вечер у нее на кухне.

Позже приехал Элик и забрал меня в Баркан.

6.Х. В этот день мы с Эликом и приятельницей их дома, тоже, как и я, гостьей из России, Еленой Григорьевной, совершили путешествие, самое, пожалуй, насыщенное — побывали за так называемой зеленою чертой. Туда редко ездят израильтяне и тем более туристы. Путешествие, однако, прошло без неприятностей от интифады, правда, в Бифлееме в машину попали камнем, а в остальном было тихо и спокойно.

В восемь утра мы выехали из Баркана и направились в Иерусалим. По дороге заехали в монастырь католического ордена молчальников — сравнительно позднее строение на высокой горе, от фундамента до крыши заросшее бугенвилем.

Цогода, начавшая было портиться, все же выпрямилась, и к полудню установился обычный для этого времени для зной.

Через Нетахтыки (Ворота Надежды) мы пресекали Тель-Авив. Еще раз увидели этот современный и все же восточный город — по

общему признанию коренных жителей - место развлечений израильтян. Оригинальные здания, машины, лавки и магазины, забитие товарами и продуктами.

И далее - Иерусалим, святые места христан: церковь в Гефсимании - место молитвы о чаше со стороны Львиных ворот (к сожалению, удалось посетить только католический храм, храм Марии Магдалины (православный) на горе Гефсиманского сада оказался закрыт). Рядом с храмом - небольшой грот, охраняемый католиками - место, где Ауда, поцеловав Христа, предал его первосвященникам. Архитектура храмов - самая разнообразная. Над входом в католический храм - богатый мозаичный фронтон. Вокруг - иностранные туристы и арабы (в основном, подростки), торгающие самими разнообразными восточными сувенирами, связанными и несвязанными со святыми местами. Здесь же еще один грот - место Успения Богией Матери. В самом гроте нас встретил монах, служащий при этой святыне - грек, настолько православный, что все время хотелось перейти на русский язык. Поклонившись святыне, мы купили иконы Успения Богией Матери на круглых пластмассовых тарелочках - типичные для этих мест священные сувениры. Напротив Гефсимании - ворота в Иерусалим (Золотые ворота), через которые по пророчеству Исаи должен был войти мессия. Именно через эти ворота в город вошел Христос. Позже арабы их замуровали и такими они стояли до сего дня. Вокруг - различные древности - в том числе - древнее еврейское кладбище.

Далее поехали к стене плача. Это - место великого храма Соломона. После того, как храм был разрушен (при императоре Тите), на его месте были сооружены две арабские мечети с золотым куполом и с серебряным. Сама Стена Плача, как я уже писал, разделена на две части - мужскую и женскую.

Далее, поехали в Бифлеем - место рождения Христова. Из святого Евангелия нам известны два свидетельства о рождестве Христовом. Евангелист Лука описывает это так. Христос родился в Вифлееме Иудейском. Недалеко от того места пастухи стерегли скот. Бдруг представал перед ними Ангел Господень и сказал им: "Я возвещу вам великую радость, которая будет всем людям, ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Христос Господь"... И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: "Слава в выших

Богу и на земле мир в человечах благоволение?..."

Когда ангелы отошли от них, пастухи, прихватив с собой скромные дары, все, чем они были богаты, привез в Вифлеем, нашли Марию, Иосифа и младенца и поклонились Богу, лежащему в простых яслях.

Другой евангелист – апостол Матфей описывает другие события, связанные с рождеством Христа.

"Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока..."

Волхвы – древневосточные мудрецы, узнавшие о рождестве Богомладенца не от ангелов, а благодаря появившейся на небесном фоне неизвестной яркой звезде, получившей название Вифлеемской. Только ученые люди могли заметить ее появление и связать его с рождеством мессии. Волхвы отправились в трудный, полный опасности путь и преодолев все препятствия, пришли в Иерусалим каждый из своей страны, а оттуда – в Вифлеем, поклонившись Богомладенцу и поднесли ему дорогие дары: золото, ладан и смирну.

Мне вспомнился мой разговор со старцем Исааком Крестьянским, архимандритом Псково-Чечорского монастыря Успения Пресвятой Богородицы, который состоялся у меня с ним там же, в монастыре лет десять назад.

"Все идущие к Христу подобны пастухам и волхвам" – сказал старец Иоанн, когда я посетова ему на трудности моего пути к Богу. – "Люди простые – подобны вифлеемским пастухам. Путь их ко Христу короток и прост. Почти сразу им открывается, что Есъ – именно Христос и без всяких сомнений и расчетов они следуют за Ним.

Другая же группа людей – люди ученые, образованые. Они подобны восточным волхвам. Их путь к Богу – чрезвычайно труден и сложен. Нередко на пути их подстерегают различные опасности (интеллектуальные и духовные). Ведь о Боге они узнают не от ангелов, а по каким-то косвенным признакам, подобно Вифлеемской звезде, и путь их всегда наполовину расчитан, наполовину интуитивен. Не все добираются к Богу, но зато добравшись, они приносят Ему богатые дары. Да, непросто образованному человеку придти ко Христу...".

Прямо на месте, где был рожден Христос, сооружен большой греческий храм. Интерьер – суровый, но живописный. Огромное

количество разных размеров лампад. Внизу под алтарем - величайшая святыня - место рождения Христова. Справа от алтаря - маденький придел Николая Чудотворца.

Здесь я поставил свечу за нас за всех и оставил поминальные записки. К счастью здесь же мы встретили нашего старого знакомого - грека Николая, с которым мне снять, как в день нашей встречи в церкви Гроба Господня, пришлось говорить на моем плохом французском. Он живет и работает в ортодоксальном монастыре Рождества Христова - очень добрый человек, показал нам все местные святыни.

Слева от церкви Рождества находится католический монастырь святой Екатерины и в подвале - святого Иеронима. Справа же - греческий монастырь Рождества Христова, где и живет Николай. В этот монастырь мы смогли войти и подойти к местным святыням (постям вифлеемских младенцев в пещере). Там же установлен небольшой престол, где раз в году служится литургия. Посетили монастырский сад и разделили скучную монашескую трапезу с Николаем.

Далее мы поехали в Хеврон - сердце Земли Обетованной - могилы ветхозаветных праотцев - Авраама и Сары (место, купленное Авраамом для захоронения), Исаака и Ревеки, Иакова и Лии. На этом месте сейчас мечеть. Так что святыни эти охраняются как евреями, так и мусульманами, для коих похороненные здесь также являются праотцами. Молитвенные службы также совершаются поочередно мусульманами и евреями.

Когда-то в Хевроне жили евреи, впоследствии изгнанные арабами. Места захоронения праотцев постоянно переходили из рук в руки. В конце седьмого века это место, некогда устроенное царем Иродом, было завоевано халифом Омаром. Ирод над могилами соорудил строение, положив пол из цельных каменных плит семивосьмиметровой длины и пятидесяти-семидесятисантиметровой толщины. Халиф Омар соорудил крышу. В 10-х-11-х веках место было захвачено крестоносцами, которые изменили свод потолка, а также сделали окна из венецианского стекла.

Здесь же, несколько в стороне - могила Иосифа, прах которого был перенесен из Египта пророком Моисеем.

Могила Рахили находится по дороге из Иерусалима в Вифлеем. Это - место особых молитв. Над могилой надпись: "Рахиль плачет

о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет". Надпись пророка Иеремии трактуется христианскими учителями как пророчество избиения иерусалимских младенцев.

На обратном пути мы заехали в Иродион, к дворцу Ирода Великого, который находится на высокой горе. Там сейчас производятся раскопки.

Хаэрон - центр Земли Обетованной.

7.Х. Суббота - по-еврейски Шаббат - день отдыха евреев от трудов.

Большой компанией в машине Элика, которая представляет из себя по сути маленький автобус фирмы "Фолькс ваген" типа нашего Уазика, мы двинулись на север, в Кесарию - место обитания римских наместников Иудеи. ....

Повернули в сторону моря, на запад к Натании (Богом данная), но Натанию обогнули. Местность - почти пустынная, однако, очень престижная. Построить здесь дом даже для богатых людей - весьма непросто - отсюда начинается курортная зона Израиля.

Кесария - Средиземное море. Курортный район - очень красивые и очень дорогие виллы.

Приехали в старую часть города. Она состоит из двух частей - древней и средневековой. Мы начали со второй. Это - развалины крепости крестоносцев, в центре - строения времен Ирода. Здесь же - раскопки памятников византийской культуры. Место много раз переходило из рук в руки. Здесь сменяли друг друга арабы, мамлюки, крестоносцы, пока, наконец, крепость не была разрушена турками. Она омывается Средиземным морем. Место - очень живописное, у причала - яхты, лодки, на берегу - магазинчики, лавки и небольшие, но очень комфортабельные кафе. ...

Последний пункт нашего путешествия Ейн-Ход (Источник великолепия) - деревня художников - одно из самых красивых селений, которые я когда-либо видел. Вся деревня расположена на склоне горы. Отсюда открывается замечательный вид на Средиземное море. Мы заехали к Женьке Абезгаузу, художнику, знакомому мне еще по Ленинграду со времен выставки 1975 года в Невском дворце Культуры.

Многие ли сейчас помнят, с чего началось движение художников "неофициального" направления, - сейчас, когда бесконечные

выставки современной живописи и графики стали делом обыкновенным? Но так было не всегда. Не столь давно, каких-то лет двадцать назад и помнить было невозможно о чем-нибудь подобном. Ленинградским художникам (так же, как, впрочем, художникам и других городов) пришлось пройти нелегкий путь, чтобы мы пришли к тому, что сейчас называют демократическими процессами перестройки.

В числе тех немногих выставок, явившихся актом свободомыслия и вошедших давно в историю, были эти две — 74-го и 75-го годов. Они привлекли общественное внимание в городах союза и за границей, открыли дорогу всем последующим выставкам "неформалов" в Ленинграде, что вылилось в полную свободу выставляться и продавать свои работы. Теперь, когда обилие художественных салонов, экспозиций, начиная от уличных и кончая весьма престижными внутри страны и за границей перешло все пределы и успело даже наскучить, трудно себе представить, что обыкновенная художественная выставка могла быть делом невозможным и приравненным к подвигу. Было же именно так.

Первая выставка состоялась во Дворце Культуры им. Газа около станции метро Кировский завод. После долгих перепетий все же удалось добиться небольшого помещения для экспозиции. В этой выставке принимало участие 52 художника. Событие вызвало у ленинградцев тогда огромный отклик, оно воспринималось не только как демонстрация достижений живописи и графики, но как один из первых реальных шагов к свободе, как противостояние режиму.

Помню, что счёредь желающих попасть на выставку тянулась от входа во Дворец Культуры до здания метро.

Вторая выставка состоялась через пол года, весной 75-го в Невском ДК и включала в себя работы 08-ми художников. К участникам первой выставки добавились новые имена.

Шли годы. Экспозиции "неформального" искусства с тех пор стали обычным делом в Ленинграде и еще до перестройки поутратили свою популярность. Две же первые выставки, имевший принципиальное значение, так и остались в нашей памяти событием светлым и радостным, всколыхнувшим не только живописцев, но и поэтов, музыкантов, да и совсем посторонних искусству людей.

Судьба распорядилась, однако, так, что почти никого из участников этих двух выставок в Ленинграде уже не встретишь.

Немало уже ушедших, что называется, "в мир иной".

Вскоре после экспозиции в Невском ДК сгорел в своей мастерской Евгений Рухин. За границей умер Арефьев - друг Роальда Мандельштама. В Америке повесился Яков Биньковецкий. У себя в Речице совсем молодым умер Сама Исачев, успев однако сделать достаточно для того, чтобы стать теперь знаменитым. Рохлин... Морев... Список этот можно было бы продолжить.

Основная же масса участников эмигрировала в разные страны. Среди них: Барких, Есауленко, Росс, Тальпанов и Лена Захарова. Многие эмигрировали в Израиль: Корнфельд, Окунь, Календарев, Островский и т.д.

Вот тогда-то в Невском ДК я и встретился впервые с художником Евгением Абезгаузом, входившим в группу "Алеф" вместе с другими еврейскими художниками. Как и большинство из этой группы, он эмигрировал в Израиль.

Теперь он очень известный живописец, живет в Баркане, а здесь у него - мастерская-студия. Студия представляет из себя длинный двухэтажный домик с террасой, где мы и устроились ужинать. Жена его, Натана, спросила меня, как жарить рыбу: на плите или на костре? - Конечно, на костре! - сказал я. Они это искали всерьез. Минут сорок Женя возился с костром, весь пересматривался самой, но рыбу все-таки поджарил. Поил нас водкой, настойкой на чесноке. Они очень симпатичные и веселые ребята. Уехали мы от них затемно.

8.Х. День, предшествующий Йом-Киппуру - священному еврейскому празднику (День Страшного Суда).

В этот день правоверные евреи, отдав все долги и испросив у всех прощения, пересевшись в белые одежды и от захода солнца до заката следующего дня пребывают в строгом посте и молитве. Этому обычно предшествует хороший обед. Во всяком случае у нас (у Элика) стол был накрыт, и в холле были гости. Вечером был в гостях у Битички Богуславского и его жены Ани. Их дом еще роскошней, чем у Исаака и Элика. Особенно поразил меня нижний холл и огромный букет красных роз в белой вазе. Говорили о всяком. Просидели допоздна.

9.Х. Йом-Кипур.

Никуда не ездили.

В пять вечера все начали разгуляться.

В восемь вечера Исаак отвез меня на своей машине в Иерусалим к Маринке. С нами ездил Злик. По предварительной договоренности я переехал к Маринкиному мужу - Володе Фрумеру, квартира которого находилась по соседству.

Володя Фрумер - гостеприимный человек, по профессии - литератор, журналист, обо мне знал из книги К.Кузминского. Так что всё оказалось просто. У него - двухкомнатная квартира. Весь вечер читал нашу антологию. Девятитомная антология современной русской поэзии с называнием "Голубая лагуна" - плод многолетнего титанического труда поэта Константина Кузминского.

Костя, живя в Ленинграде в шестидесятие-семидесятие годы и будучи по характеру человеком эксцентричным и общительным, что, впрочем, всегда сочеталось в нем с блестящей деловой дисциплиной, был, конечно, лично знаком с большинством, если не со всеми неофициальными поэтами и художниками Ленинграда того времени.

В силу ли этого своего общительного характера и желания быть всегда в центре событий или намеренно ища встречи со всеми, уже тогда задумав собрать и сохранить неофициальное творчество своего времени, но только в те годы он пропустил через свою знаменитую квартиру на Конногвардейском бульваре (как он любил его называть, официальное название - бульвар Профсоюзов) сотни своих непризнанных современников - поэтов, художников, музыкантов, тщательно изучая и бережно собирая их творчество. Намню, как ревностно он требовал перепечатывать всю страницу, если обнаруживал там даже незначительную спечатку. К тому же он *не* обладал феноменальной памятью, что также несомненно помогло ему в его деле. Он знал наизусть массу никому неизвестных стихов.

Позже, вывезя все это за границу, он воплотил этот труд в девятитомной антологии, содержащей в себе, кроме стихов, множество фотографий поэтов, художников и их картин, биографий, просто описаний сцен из жизни ленинградской богемы.

Вот эту-то антологию я и нашел в доме Фрумера. Он - единственный из моих знакомых - владелец всех девяти томов.

10.Х. /..../ На Волдином фольксвагене - небольшой, но надежной машине, добрались до "русского подворья" - центр Иерусалима. Отсюда - два шага до старого города. Попрощался с Володей и направился в старый город. По дороге в храм купил кофью - старая

мечта. День провел в старом городе. Около двух часов поднялся на Гефсиманскую гору к храму Марии Магдалины (белая церковь). Храм оказался закрыт, но у входа я встретил ~~и~~ своего знакомого монаха Олега. Присел рядом с ним отдохнуть. Вскоре из ворот монастыря (а оказалось, что здесь же русский женский монастырь) вышла инокиня Елена — неплохо говорила по-русски, хотя в России никогда не жила. Дала нам напиться и согласилась взять у меня записки. Затем она ушла, но вскоре снова появилась вместе со священником. Он спросил: "Кто тут скорбящий из России?" Я сказал, что я — не скорбящий, но из России. Он улыбнулся и распорядился показать мне монастырь.

Если сегодня спросить даже верующих христиан, в чем, собственно, заключалась спасительная миссия Христа и почему мы зовем его Спасителем, все ли дадут правильный и исчерпывающий ответ? Многие в таком случае ответят, что в Его учении, которое Он составил своим ученикам и которое дошло до нас через евангелия, Его спасительная миссия. Учение Христа, разумеется, спасительно, как все, что исходит от Бога, ис не этим учением Он спас мир, и ответ этот верен не в полной мере.

Другие скажут: Он пострадал и умер за нас, искупив наши грехи. Это — верно, но все ли ясно представляют себе сам механизм этого процесса? Как получилось, что, погибнув на кресте и через три дня воскреснув, Господь искупил грехи наши и избавил нас от смерти. В какой момент Он взял на себя грехи наши?

Вот тут-то мы и столкнемся с тайной гефсиманской молитвой, той самой молитве о чаше, которую Господь сотворил в ночь своего ареста в Гефсиманском саду в присутствии трех учеников.

Смерть — наказание за грех. После того, как Адам согрешил, он стал смертен, и вслед за ним — весь его род. Каждый человек по наследству несет на себе первородный грех — грех Адама, и если бы даже не имел никаких других грехов, которых у нас множество, то все равно был бы смертен. Господь, Иисус Христос, будучи Сыном Божиим, будучи рожден без перска Пречистой Девой Мариею, во всем был подобен человеку, кроме греха. Грехов Он не имел никаких, в том числе и первородного, а стало быть был бессмертен.

Несколько раз в Евангелии мы читаем о том, как законники и фарисеи пытались схватить Христа, и всякий раз Он исчезал.

Однажды мне случилось читать одну брошюру богословского со-

держаний, посвященную именно этому вопросу, сейчас уже мне не вспомнить ни названия, ни автора ее. Но помню, что там писалось: "Если бы и удалось каким-либо образом схватить Господа до гефсиманской молитвы, если бы кто-либо захотел распять Его на кресте, то гвозди не смогли бы войти в Его ладони и загнулись бы под ударами молотка. Ибо все, что без греха - для смерти неуязвимо".

Что же произошло в день взятия Христа? Совершив тайную вечерю со своими двенадцатью учениками, где Господь претворил хлеб и вино в свое тело и кровь и утвердил таинство святого причащения, взяв с собой трех ближайших учеников - Петра, Иакова и Иоанна, с которыми в православной литературе обычно связывают три добродетели: веру, надежду и любовь. Он удалился в Гефсиманский сад для молитвы, где, по словам апостола Матфея (гл.26, с. 37) Он начал скорбеть и тосковать. "Отче мой! Если возможно, да минует меня чаша сия; впрочем, не как я хочу, но как Ты", - произносит Господь.

Вот в этой-то молитве, тяжесть которой не могли перенести Его ученики и все время засыпали, и происходит великое таинственное действие: грехи всего человечества переходят на Богочеловека и единственное существо, способное понести такое бремя. Сразу же после этого Господь становится уязвим, и мы видим, что тут же в сад приходят люди с копьями и мечами, чтобы схватить Христа и предать самой позорной смерти через распятие на кресте - ибо так велик был совокупный грех всего мира, который на нем теперь лежал. Все, что случилось после этого, мы знаем. Господь был распят, погиб на кресте и на третий день воскрес. Божественная природа Его переборола грех всего человечества. С тех пор любой человек может переложить на Христа свои грехи, что и происходит в таинстве исповеди да и в частной покаянной молитве. Грехи любого из нас включены в этот совокупный грех, принятый Христом на себя в Гефсиманском саду. Так что Гефсиманский сад можно считать местом начала спасения человечества и восстановления утраченной гармонии между Небом и Человеком.

В воротах монастыря меня встретила молодая игуменья Анна. Она провела меня по святым местам монастыря, среди которых была дорога Христа в Иерусалим. Мы посетили также храм Марии Маг-

далины, главная святыня которого - чудотворная икона Божией Матери, доставленная в монастырь чудесным образом. Затем матушка-игумения пригласила меня в свою покой, угостила холодным соком и печеньем и дала на память священные предметы - кресты и иконы. Уверен, что они доставят большую радость верующим, моим знакомым в России. Русских среди монахинь монастыря Марии Магдалины почти нет, но говорят они на двух языках: русском и английском.

К пяти дня вернулся к Маринке. Вечером съявился Женька Тартаковский. Он сам позвонил по телефону.

П.Х. В этот день у меня была назначена встреча с двух часов дня у храма Гроба Господнего с Исааком - маринкиным другом. Он эмигрировал из России и, будучи христианином, встретился здесь в Израиле с немалыми трудностями, о которых не подозревал. Жизнь христианина здесь не проста, так как к христианам население в целом настроено враждебно.

Мы с Исааком еще раз посетили храм Гроба Господня. Я узнал от него много нового и интересного. Например. Исаак сам был свидетелем того, как в пасхальную ночь в Гроб сходит огонь с небес и иерусалимский патриарх выносит связку горящих свечей из Гроба и раздает их верующим. Первые минуты огонь не жжет, а только светит, но затем сбрасывает плоть. Я еще в России об этом слышал. Право служить при гробе принадлежит только греческому патриарху. По рассказам, однажды, армяне обманом путем добились этого права для себя. В эту ночь огонь в Гроб не сошел, а появился из колонны у входа, где стояли греческие архиереи. До сих пор в колонне трещина, опаленная огнем. Тем самым еще раз подтвердилась истина пути православия.

Что есть православие? Дай Бог узнать, что такое христианство, а тут еще попробуй выбрать правильную из его ветвей. Православие, как и все остальные христианские конфессии - это способ исповедания Бога или путь общения с Ним. И, быть может, изо всех - этот наиболее трудно усвоим с точки зрения светского ума. Баптисты, например, не понимают, зачем такое количество внешних ритуалов, обрядов, почитание икон и т.д. Но, быть может, именно эта непримиримость православия со светским рассуждком есть первое свидетельство его истинности?

Мне кажется, постигь православие можно только опытным путем. Это такой же дар Божий, как и сама вера, и он должен явиться самостоятельным. Каким-либо умозрительным образом объяснить его невозможно.

Подобно тому, как танцующий через движения проникается самим духом танца, объединяющим его со всеми другими участниками действия, так через внешние телодвижения, совершаемые подчас в строгой последовательности, священные обряды, почтание икон, соединенные с усердием внутренней работы, т.е. молитвы, православный мало по малу входит в общение с Духом Святым.

Сам же храм, по мере сближения души верующего с Божиим Духом, становится для него живым телом, требующим все более и более строгого поведения. Молящийся становится как бы частью этого живого тела со своим местом в нем и своими функциями. Конечно, первостепенное значение имеет внутренняя деятельность: молитва, покаяние и т.д., но она же требует от верующего и внешнего поведения. Опытный православный не может, например, пересечь какие-то линии в храме, которые без труда пересекает случайный посетитель, не может беспечно сидеть или стоять не в приятой правилами позе, даже если его никто не сдергивает.

Православие – это не философская доктрина, не система этических правил жизни, – это школа послушания Духу Святому. И усваивается эта школа далеко не только из книг.

К нам подошел грек – священник, знакомый Исаака. Они о чем-то разговорились, то ли на греческом, то ли на иврите. Я по-английски сказал священнику о своем намерении причаститься в эту ночь, получил от него благословение и попросил меня исповедать. Он повелел мне подняться на Голгофу. Я начал исповедываться, но он сказал, что не надо – на Голгофе прощается всё. Он накрыл меня епитрохилью и прочел разрешительную молитву на греческом. Затем велел быть в храме не позже семи вечера, так как после этого храм закрывается на всю ночь.

Мы с Исааком направились в Либостратон – место истязаний Христа. Оно специально охраняется спать же католиками. Затем вышли через Львинные ворота к уже знакомой мне Гефсиман-

ни. Оказалось, что ров, который здесь имеется - это бывший поток Кедрон, над которым уцелела гробница Авессалома. Вернувшись в старый город и посетили Сионскую купель. Расставшись с Исааком, я вышел из старого города подкрепиться и к семи часам снова был в храме Гроба Господня. У дверей храма сидел какой-то старичок в рясе. Я подошел и по-английски сказал, что хочу причаститься. "Это хорошо!" - ответил он по-русски. Оказалось, что это греческий архиерей, который и служил ночью литургию, возможно даже он был патриарх.

В семь часов ворота храма закрылись. Немногие служители, которые были в храме, куда-то ушли, и я вдруг понял, что остался во всем храме один. Я еще раз в полном одиночестве обошел весь этот храм, а вернее несколько храмов под одной крышей и поднялся на вершину Голгофы. Было немного жутко, но вскоре страх развеялся, и я почувствовал себя очень хорошо. Час я провел на Голгофе. В восемь вечера спустился вниз к Гробу. Там никого не было. Я вошел внутрь. Там тоже было пусто. Еще час я провел в Гробе Господнем совершенно один. В девять вечера я вышел из Гроба и решив отдохнуть, прilег на лавочку, что стояла рядом. Не заметил, как заснул. Проснулся около одиннадцати от шума. Несколько греческих монахов готовились к службе. Служба началась в одиннадцать тридцать в большом греческом храме. Служил старик-архиерей вместе с обыкновенным священником. В храме было несколько монахов-служителей. Из прихожан был только я один. Служба велась на греческом языке, но по ходу ее я понял, что это еще не литургия, а утреня. Где-то в половине первого она кончилась, и священнослужители перевели из алтаря большой церкви прямо в Гроб Господень, так что нам - столпим в зале пришлось повернуться на 180°. Гроб Господень служил теперь алтарем.

Увидев меня, единственного мирского прихожанина, старик архиерей какую-то часть литургии служил на русском языке. Причалось нас трое - греческий монах, служащий около Голгофы, чтец и я.

После того, как окончилась литургия, я опять поднялся на Голгофу, лег на лавочку и заснул. На соседней лавочке устроился греческий монах.

12.Х. Я проснулся в семь утра от звуков богослужения. На Голгофе служили католики. Я поднялся и некоторое время постоял

вместе с ними. Затем спустился вниз. Зашел в туалет тут же в храме, умылся, еще раз обошел все святыни и вышел из храма и из города Иерусалима.

В восемь утра я был уже на автобусном вокзале и брал билеты в Бер-Шеву — город на юге Израиля, где по предварительной договоренности в этот день у себя дома меня ждал Женька Тартаковский.

Женька приехал встречать меня на автовокзал. Он живет в трехкомнатной квартире с холлом, в условиях гораздо более скромных, чем ребята. Связано это, правда, с его недавним разводом. Свою квартиру в Тель-Авиве он оставил жене. Кроме того, он, как я понял, настроен менее произраильски, чем остальные мои знакомые и хотя утверждает, что по духу гораздо ближе к истинным израильтянам, чем ребята, которые, как ему кажется, воплощают в себе скорее дух советских эмигрантов, все же чувствуется, что он чувствует себя куда как менее уверенно. Но-видимому, все же в этой стране, при всех ее замечательных качествах, по-настоящему хорошо чувствуют себя люди, настроенные националистически (пускай даже в самом лучшем смысле) и жаждущие в любых условиях строить и защищать свое новое еврейское государство, мало интересуясь судьбой других народов.

Только мы выпили по чашке кофе, как приехала Эмма — новая подруга Женьки. Она — обаятельная скромная женщина нашего с Женькой возраста, судя по всему, с несложившейся личной судьбой. Во всяком случае, у нее уже есть взрослый сын. Эмма как-то очень быстро и умело приготовила завтрак. Позавтракав, мы решили отправиться на бедуинский базар. Бедуины — жители пустыни торгуют своими товарами в Бер-Шеве и продают их по очень низким ценам. Бедуинский базар переполнен самыми различными товарами: фрукты, пряности, сувениры, ювелирные поделки, а также предметы культа, разнообразная одежда — от национальной арабской до современных джинсовых костюмов и все, по словам Женьки, за бесценок.

У какого-то прилавка Женька все-таки остановился и не без помощи Эммы выбрал арабское ожерелье и серьги из полудрагоценных камней для Аллы, жены Эрика Горшевского.

С базара мы отправились в центр Бер-Шевы. Поставив машину, пробежались по книжным лавкам, переполненным литературой на иностранных языках и иврите и наконец, устроились в малень-

ком кафе. Шили кофе с каким-то опять бесподобным мороженым. С Женькой мне всегда было приятно общаться, нам было всегда о чем поговорить, всегда я отдыхал с ним. Годы разлуки ничего не изменили. Мы с удовольствием около часа провели втроем в кафе, беседовали о многом, в том числе о России. Кстати, эта тема занимает здесь очень многих, если не сказать всех. За судьбой нашей здесь внимательно следят. На крышах многих домов смонтированы специальные телеантенны, чтобы ловить нашу первую программу. Так что, общаясь с израильянами, иногда забываешь, что ты не в России. /.../

13.Х. Утром встали в восьмом часу. Позавтракали. Надо было торопиться на автобус в Тель-Авив, где меня ждал Эдик. /.../ Там встретили Михаль - старшую дочь Элика и вчетвером стали бродить по рынку в одном из центральных районов города. Масса дешевых товаров. Тут же - ряды художественных промыслов, чем-то похожие на наши современные уличные выставки-распродажи.

Кстати, в один из своих визитов в Тель-Авив я посетил русский книжный магазин. Здесь я понял, что наша идея привезти ребятам в подарок журнал "Огонек" была наивной, и они только из вежливости, не желая портить нам настроение, ничего не сказали об этом. Журнал "Огонек", как и все ведущие русские журналы, лежит здесь совершенно свободно. Кроме того, все лучшие советские издания: Гумилев, Ахматова, Набоков, Булгаков и т.д. - только покупай. Если же чего-то нет, то можно сделать заказ. Вместе с советскими-эмигрантскими изданиями, например, "Континент".

Обедали в ресторане Тель-Авива.

Вечером заехали к Левке Жигуну в один из тель-авивских пригородов. Из всех квартир, которые мне довелось повидать в Израиле - левина самая роскошная. Огромный холл, много комнат, два туалета, выход на крышу-террасу весьма приличной площади, откуда мы наблюдали закат солнца над Средиземным морем.

Леву я знаю со школьного возраста. Был когда-то у него на свадьбе в Ленинграде. Теперь у него здесь другая жена - тоже русская эмигрантка, трое детей. Принимали нас очень радушно.

Вернулись в Баркан поздно.

14.Х. Утром отправились из Баркана в Галилею на север страны в пятницу: Эдик, Елена Григорьевна, дочери Элика - Михаль и Рутти и я.

На этот раз наш путь пролегал в долине Иордана, по самой

иорданской границе.

Длина реки Иордан на 300 метров ниже уровня моря. Иордан – очень узкая, с медленным течением река, протекающая через Галилейское море и впадающая в море Мертвое. На очень большом участке она является границей Израиля с Иорданией.

Галилейское море, оно же Гелесоретское озеро – необыкновенно живописно: ярко синяя гладь, обрамленная горной грядой. Мы подъехали к морю с юга. Недалеко отсюда находится ферма по разведению крокодилов, такую же ферму мы видели уже по дороге. В этой части побережья – большое количество банановых плантаций и финиковых пальм. Мы собирали финики прямо с пальм.

Повернули на запад к тому месту, где из Галилейского моря вытекает Иордан – это место Крещения Господня. Очень много туристов из разных стран.

Во Иордане крещающийся Тебе Господи.

Троическое явится поклонение.

"Со страхом Божиим и верою преступите" – провозглашает иерей прихожанам всякий раз перед причастием. "Да не в суд и не в осуждение будет мне причащение святых твоих тсли Господи" – отвечает ему толпа причастников в последней молитве. Действительно страшно подойти к святыне недостойно, ибо человек, сам в себе унизая святыню, сам себя ее лишает. "Проклят творящий дело Божье с небрежением".

Для того, чтобы подойти к святыне (даже незначительной) достойно, надо себя подготовить и соответственно настроить.

Что же говорить о святынях, подобной этой, тем более, когда они следуют одна за другой. Подойти к ним достойно практически невозможно. Чего стоит одна только картина Иванова "Явление Христа народу", которую мы знаем с детства, которая подобно книгам Пушкина, проходит с нами через всю нашу жизнь. А ведь там изображено именно то место Иордана. Думал ли я когда-нибудь, что мне будет суждено увидеть его восочно? Крещение – один из самых любимых праздников на Руси. Когда кончаются святки, таинственнейший период года, исполненный еще рождественским настроением, наступает 19-е января – день Крещения Господня. Маль каждый раз расставаться с духом Рождества, но и Крещение – замечательный праздник, несущий с собой настроение счищания и обновления. По всему христианскому миру в этот день совершаются водосвятия в течение трех дней. В тех местах,

где нет церкви, воду светят прямо в проруби. Обновленная вода, питая собой весь мир, несет очищение и здоровье природе и человеку. В России это нередко сопровождается и крещенскими морозами. Вот что такое - Крещение. Как же теперь, много раз пережив это, достойно подойти к тому месту, где крестился сам Бог? Какая должна быть душа, чтобы все это вместить? Как она должна быть защищена, чтобы сосредоточенно и достойно совершил Божье дело здесь, в суэтной атмосфере индустрии международного туризма? Остается только надеяться на милость божью, которая снисходит к нашей немощи.

Мы тоже искупались в этом месте и взяли иорданскую воду в специальные полиэтиленовые бутылочки с надписью (.....), которые продаются здесь же и стоят Ішекель (полдоллара).

Затем вернулись назад, к восточному берегу Галилейского моря и поехали на север. Справа - Галанские высоты, слева - Галилейское море. По дороге заехали в один кибуц - типичный для современного Израиля. Выглядит очень обжитым и богатым. Следующим был небольшой городок на побережье, специально оборудованный для детей - парк с большим количеством водных аттракционов. Мы оставили девчонок там и двинулись дальше без них.

Северный берег Галилейского моря, затем западный, Тверия - древний город, названный в честь императора Тиберия. Ныне - это международный туристский центр на Галилейском море.

Обедали в прибрежном ресторане. Галилейское море - самое рыбное из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть. Вода прозрачная и с берега видно, как рыба в ней прямо кишит. Посетители ресторана развлекаются тем, что кидают в море пищевые лепешки, пищцы, которые здесь подают вместо хлеба. Рыбы набрасываются на них как собаки, огромной стаей, нередко выскакиваю из воды. Несколько минут - и лепешки нет.

Если традиционную здесь рыбу св. Петра.

На обратном пути заехали в место Нагорной проповеди Иисуса Христа. На самой горе находится итальянский католический монастырь Блаженных (женский). Название это происходит от первых слов заповедей блаженства: "Блаженны нищие духом..." Заповеди блаженства, на мой взгляд, одно из самых принципиальных мест в Евангелии. Недаром их поют на каждой литургии. Именно в них, мне кажется, выражена сверхчеловеческая сущность Нового

завета – завета Бога непосредственно человеческому сердцу в отличие от Моисеева завета, обращенного к нашему разуму. Заповеди блаженства мы не можем осуществить сами. Их может осуществить в нас только Бог, поэтому христианские учителя говорят: "Невозможно для человека оправдаться законом, но только верою во Христа".

Мы посетили в этом монастыре небольшой католический храм, в центре которого лежит Библия на латыни, открытая на месте заповедей блаженства.

Побеседовав с одной из монахинь этой обители, я оставил ей записки. С самой горы – вид на Галилейское море. Следующий пункт по дороге назад – место умножения хлебов и рыбы. Это примерно в пяти километрах от места нагорной проповеди. Здесь также находятся монастырь и церковь. По интерьеру – храм католический, но почему-то справа и слева в глубине храма две типично православные иконы: Христа и Божией Матери.

Еще метров через сто – небольшой храм ордена ТEMPLееров в честь апостола Петра. Называется Храм Обещания. Вероятно, это связано со следующими событиями: Господь вошел в лодку к Петру и велел закинуть сети. Петр вытащил полную сеть рыбы и сказал Христу: "Выходи от меня ибо я человек грешный". Тогда Иисус сказал ему: "Не бойся, сделаю тебя ловцом человеков". Следующий пункт – город Капернаум – место, где проходила жизнь апостола Петра до встречи с Христом. Здесь находится католический монастырь, который оказался уже закрытым для посетителей.

Мы вернулись в детский городок, забрали девчонок и искупались с Эликом в Галилейском море. Солнце только-только закатилось за горный хребет на противоположном берегу, и он из зеленого стал синим, почти фиолетовым внизу и красным на вершинах, где он отделялся от такого же красного неба яркой оранжевой линией. Это было четвертое море, в котором мне довелось купаться в этом году (после Эгейского, Адриатического и Средиземного) – священное пресноводное Галилейское море, совсем не похожее на все предыдущие.

Все в пятнадцатом мы поужинали в чудесном маленьком кафе, тут же на побережье. В кафе, как нередко уже бывало в моем путешествии, мы были одни.

Бозврашивались домой в темноте, по той же дороге, проходящей мимо столицы Палестины византийских времен, а также мимо

последней крепости крестоносцев.

16.Х. Утром с Эликом приехали в Ашдот - еще один небольшой провинциальный городок на побережье Средиземного моря. Ашдот - один из пяти городов филистимлян. Элик приехал сюда в связи со своей работой. Встретили здесь Леву Иигуна. Отдали наш фолькс-ваген в профилактический ремонт и разошлись.. Они пошли на работу, а я остался на пляже. У местных жителей октября не считается купальным сезоном, поэтому народа на пляже почти не было. Однако для меня температура была самая купальная. На этот раз Средиземное море было спокойным. Я искупался и прошел километра два вдоль берега на юг. Пляж - пустынный и очень чистый - мельчайший, светло-желтый, почти белый песок. Кое-где - редкие фигуры загорающих да иногда попадались рыбаки, тут же закидывающие свои удочки. Зашел в одно из прибрежных кафе с французским названием /.../. Хозяин говорил по-французски. Сам он приехал из Франции и, как многие французские евреи, открыл здесь кафе. Сделал мне горячий бутерброд с соком манго и очень благодарил за посещение.

В 12.30 приехал Элик на левкиной субару, и мы поехали в Тель-Авив, в румынское агентство аэрофлота подтвердить билет Елене Григорьевне, которая собиралась лететь в Россию через Бухарест.

Тель-Авив - несостоявшаяся родина,

Ленинград - несостоявшаяся жизнь, -

вдруг выплыли из памяти строчки Евгения Вензеля. Тогда, двадцать лет назад, в парке Бабушкина, впервые слушая эти стихи, я представлял себе Тель-Авив чем-то мрачным и зловещим, как парк Бабушкина, как сам Вензель, как время, в которое мы жили. Теперь здесь я совсем по-новому оценил эти строчки ленинградского поэта-полукровки. Мне никогда не приходило в голову, что это такой веселый и приветливый город, который с каждым разом красится все больше и больше. А что, если б правда Вензель родился здесь? Кем бы он был теперь?

/...../

18.Х. В этот день мы вместе с Еленой Григорьевной направились в Иерусалим для того, чтобы ей осмотреть храм Гроба Господня, а мне встретиться с Мишой Хейфицем. У нас с ним была назначена встреча на автобусном вокзале, которая и состоялась, правда, с опозданием на час. Вообще, в этот день поначалу дело почему-

то не клеилось: то мы куда-то опаздывали, то кто-то опаздывал на встречу с нами, то не было транспорта, но, в конце-концов все наладилось. Мы встретились. Миха изменился мало. Выглядит очень хорошо. Псеседел, но шевелюра густая. Всю дорогу к старому городу рассказывал мне подробности своего ареста, о котором я в свое время много слышал, но не от него. Он сидел по делу, связанному с рукописями И.Бродского и с "Архипелагом" Солженицина. Отсидев весь срок (пять или шесть лет), приехал сюда. Теперь он редактор отдела поэзии в русском журнале "22". Получил, наконец, возможность заниматься любимым делом: литературой и историей без риска для жизни. /...../

Мы провели с Михеем целый вечер в литературных беседах и сплетнях и были этим очень довольны. Около десяти часов заехал Элик, предварительно забрав от Маринки Машу Вязьменскую, так как завтра мы должны были ехать в Эйлат. Завезли Хейфица и отправились ночевать в Баркан. Допоздна сидели у Богуславского.

19.Х.

Встали рано, около восьми часов, и почти сразу же отправились в путь. Нас поехали пятеро: Элик со своими двумя дочерьми - Михаль и Рутти, Маша и я. Мы направлялись в Эйлат. Это чуть ли не самая южная точка Израиля, известный международный курорт на Красном море, место, где сходятся границы четырех государств - Египта, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии. Дорога - сначала на Восток, в долину реки Иордан, а затем вдоль иорданской границы - строго на юг. В долину Иордана ведет довольно длинный и крутой спуск. Первый крупный пункт - Иерихон - знаменитый древний библейский город. Свернули с дороги к монастырю св.Георгия. Он, подобно греческим монастырям, расположены на неприступной скале, на которую ведет узкая тропинка над пропастью, в монастырь подниматься не стали, зато посетили храм, построенный в честь Восхождения Пророка Ильи в колеснице на небо (греческий). Далее - дорога на Мертвое море, в которое впадает Иордан.

Наши новые спутницы две дочери Элика. Старшая - Михаль, девочка тринадцати лет, очень красивая, но своеобразная. Родители уже плачут от ее характера. Такая же талантливая как Элик и такая же беспечная. По телевизору выучила английский язык, чтобы смотреть на нем фильмы. Знает блестяще.

Рутти - ее младшая сестра - десяти лет. Совсем другой

характер - очень добрая и покладистая. Обе девчонки - стройные, обаятельные (каждая по-своему) и веселые.

Следующая остановка - Мертвое море. Называется оно так потому, что в нем нет никакой живности, настолько оно соленое. Местами соль выступает из воды в виде соляных столбов и гряд. В южной части этого моря я купающихся не видел. В северной - есть специальные пляжи для купания в лечебных целях. Здесь же - специальные лечебные грязи. Я тоже искупался. Ощущение - уникальное. Невозможно полностью погрузиться в воду. Вода тут же выталкивает на поверхность. Это - пятное море в моем путешествии.

Масада - древняя иудейская крепость на вершине неприступной горы. Это - последняя крепость, взятая в Иудейской войне. Когда вся Иудея уже была покорена, Масада держалась еще три года. Взять ее было невозможно и только когда римляне построили дамбу, ведущую в Масаду с соседней горы, крепость пала. Когда стало ясно, что Масаде не устоять, из числа ее защитников было выбрано по десять человек, которые убили всех жителей, затем среди этих десяти по хребту был выбран один, умертвивший девятерых и покончивший после этого собой. Так пал гарнизон Масады - последнего свободного города Иудеи. Эту историю рассказала случайно ушелевшая женщина, которая, спрятавшись, избежала общей участи.

В крепость мы поднимались на фуникулере. Сегодня крепость - это развалины многочисленных строений. Мы посетили только бывший дворец Ирода Великого.

Далее - дорога на юг. Пустыня - особая климатическая среда, требующая некоторых навыков в поведении. В пустыне надо пить. Элик называет это водной дисциплиной. Ввиду сухого климата, организм теряет влагу быстро и незаметно. Иска нет привычки к пустыне это обезвоживание организма не сопровождается желанием пить - просто начинает болеть голова, ощущается слабость. Не всякий знает, что для того, чтобы снять недомогание, надо просто выпить воды. Со временем организм приспосабливается к такому климату и в нужный момент сам требует воды.

Наконец, Эйлат - международный курорт на берегу Красного моря. Когда на всех средиземноморских курортах уже про-

хладно, европейцы едут сюда. Как всегда, здесь множество отелей - от самых роскошных, таких как "Хилтон", до весьма скромных и недорогих.

Наша первая экскурсия - в морской заповедник. Мол - метров на пятьдесят уходящий в море в районе коралловых рифов. Извне замаскирован под коралл. Поэтому рядом с ним, как всегда в кораллах, множество рыбы. Гигантские барбусы самой привлекательной расцветки, морские звезды... Очень смешная рыба - морской черт - страшная, со множеством колючек, красивая рыба под названием коралловый щетинозуб, рыбы похожие на аквариумных бойцовских петухов, только гигантских размеров. Рядом с одним из иллюминаторов постоянно вертелась рыба-игла, как будто специально позируя зрителям. Иногда перед стеклами пронесились косяки каких-то мельчайших рыбешек, рассмотреть которых было невозможно, виден был только один блеск от них. Нужно добавить, что все это происходило среди живых кораллов, которые сами по себе представляют зрелище замечательное и, конечно, ни на что на земле не похожее. На берегу устроены огромные аквариумы с акулами, морскими скатами и гигантскими морскими черепахами. Есть отдельные помещения, где виды рыб и кораллов Красного моря представлены более подробно.

/...../

Ухинали в американском трактире. /.../ На невысокой эстраде за электронной органной установкой сидел какой-то стройный музыкант с необыкновенно красивым и одухотворенным лицом. Сам себе аккомпанируя, он пел популярные израильские песни замечательным низким баритоном. Удивительно достойная манера исполнения - строгая идержанная, несмотря на скрытый за ней явно мощный темперамент певца. Сочетание этих двух начал придавало его исполнению то редкое благородство и вкус, которыми так бедна современная эстрада. Как только начиналась очередная песня, все посетители кафе подхватывали ее и раскачиваясь или пританцовывая, в зависимости от ритма песни, хором продолжали вместе с ним. Он же, ощущая себя лидером и солистом такого спонтанного, но вдохновенного хора, очень умело им управлял, то увеличивая, то уменьшая силу своего голоса, иногда прекращая петь вовсе и заставляя тем самым людей продолжать без него. Затем, так же легко подхватывал песню и спеть становился бесспорным единственным лидером хора. Было видно, как он на-

лажался всем этим действием. Прекращал он его, к слову сказать, всякий раз тоже неожиданно, вызывая у публики сокаление по поводу окончания пения, смешанное с восторгом от изящества и артистизма его поведения. После этого он вежливо напоминал присутствующим, что пора сделать очередной заказ у официантов. Иногда он пел по-английски. Каково же было мое удивление, когда он запел известную мне английскую песню ".....", и та же случайная публика, только что певшая на иврите, легко и свободно хором запела по-английски.

Вообще, многоязычие - характерная черта средиземноморья, древняя традиция владения несколькими языками сохраняется в Израиле. Практически, каждый житель знает не менее трех языков: иврит, английский и язык той страны, откуда приехал он сам или его родители. Многие знают и больше. Я говорю здесь не только об интеллигенции. Хеврон нам показывал простолюдин-мусульманин. Он знал шесть языков. Бригадир на стройке, бывший моряк, с которым некоторое время работал Женяка Тартаковский, знал десять языков. Барбарства здесь нет - в народах средиземноморья чувствуется уважение и бережное отношение ко всем культурам.

Здесь, пожалуй, уместно сказать несколько слов об израильянах. Коренные жители очень мало похожи на советских евреев, замученных бездной советско-еврейских проблем. Если считать 1947 год - временем образования Израиля, то сейчас в стране растет третье поколение. Внуки первых переселенцев уже по двадцать лет. Кроме того, сами переселенцы - выходцы из совершенно разных стран, принесли сюда различные привычки и нравы. Ашkenазийцы - выходцы из Европы сами по себе мало похожи друг на друга. Евреи из Германии совсем не похожи на эмигрантов из Испании. Совсем иное дело - приехавшие из Польши, Франции и т.д. И все они тем более не похожи на сефардов - азиатских евреев, очень любящих ювелирные украшения. Здесь есть даже африканцы - евреи из Эфиопии, потомки царицы Савской, внешне - натуральные негры. Все они, смешавшись, образовали некий новый тип израильянина, даже этнически мало похожего на наших евреев. Это - смуглокожие, в основном, темноволосые люди (хотя есть и светловолосые с иными голубыми глазами израильяне), как правило, стройные, как мужчины, так и женщины, с живыми, иногда достаточно тонкими чертами лица. В основном очень привет-

ливые, раскрепощенные люди, сочетающие в себе стремление услужить другому с несомненным чувством собственного достоинства. Бкус израильтян, как и у других народов средиземноморья – безупречен. У женщин – на каждом пальце – кольцо или перстень, на шее – два или три ожерелья. И тем не менее – ничего лишнего. Наряды, хоть и яркие, но не выглядят аляповато. Пожалуй, коренные израильтяне похожи на греков, арабов, испанцев, словом на остальных средиземноморцев. Народ – сплоченный, очень любит свою страну и всегда готов ее всем миром защищать.

Хоть я и не могу сказать, что приемлю душой и одобряю тот режим, который установлен там сегодня в отношении палестинского населения. Все же – это явная дискриминация и национализм, которые так возмущают евреев здесь в России, когда они направлены против них самих.

Правда, надо признать, что разрешить проблему с палестинцами не так-то просто... Впрочем, это уже отступление.

В Израиле говорят: "Земля только тогда твоя, когда ты на ней не только живешь, но и возделываешь ее". И действительно, они возделывают свою землю. Сколько я видел лесов и плантаций, возвращенных в каменистую пустыню. Столь же умело они возделывают и культуру своей страны. Какая глубокая священная мудрость. Почему же мы не возделываем свою землю, а только переделываем ее? Когда же наших умов коснется эта южественная премудрость?

Бернувшись в гостиницу мы далеко за полночь.

20.Х. Встали около восьми. Позавтракали в кафе отеля "Шведский стол", уселись в машину и отправились в сафари – заповедник обитателей пустыни, на север, по той же дороге, по которой приехали в Эйлат.

Сафари – большой участок пустыни, отделенный специальной, довольно высокой оградой из проволочной сетки. Животные, в основном копытные, живут там совершенно свободно. Кроме антилоп, ослов и других копытных, здесь часто встречаются стада страусов. Они важно расхаживают по сафари, не стесняясь подходить к автомобилям и автобусам посетителей, выпрекивая еду. Хищники и пресмыкающиеся находятся в специальных вольерах. В этом месте заповедник похож на обычновенный зоопарк.

Вообще же, сафари, конечно, гораздо более правильный способ содержания животных в неволе (если это вообще может иметь смысл), чем наши зоопарки, где животные содержатся в отврати-

тельных условиях.

Если сафари находится справа от дороги, то слева - другое замечательное место - "Копи царя Соломона" - древние медеплавильные артели в горах Негеф, где трудились рабы царя Соломона. Мы поднялись в горы на нашей машине и посетили несколько таких мест, где сохранились остатки медеплавильных печей и даже настенные рисунки.

Обычное слово "пустыня" ассоциируется у нас с бескрайней равниной, покрытой песчаными барханами. Живут там только змеи, да скорпионы, да изредка пройдет караван верблюдов. На самом деле иудейская пустыня почти вся не такова. Это каменистая почва, покрытая, хоть и скучной, но все-таки растительностью. Хотя местами она действительно песчаная. Негев же - пустыня горная, похожа на то, что нам приходилось видеть в американском кинематографе, на горы Кордильеры. Песчаное плоскогорье - желтые, белые, красные скалы на фоне ярко синего неба. Надо сказать, что пустыня погружает в особое состояние глубокого покоя. Быть может, где-нибудь за полярным кругом, в вечных снегах можно испытать нечто подобное. Мы оказались там в середине дня, в самую жару.

/...../

Ужинали в кафе "Оазис" на побережье, и сразу после этого к одиннадцати вечера перебрались в то самое кафе, где провели предыдущий вечер, но теперь прихватили с собой Михаль, Рутти в это время уже спала в гостинице.

Вечер был чудесным. Шел тот же самый, имя которого нам так и не удалось узнать, парень, и вместе с ним спеть пели все посетители кафе, спеть на разных языках, и мы вернулись в отель так же, как и накануне - глубокой ночью.

Теперь несколько слов о преступности. Не знаю, как в других странах, но в Израиле вы ночью можете спокойно отпустить детей гулять одних. При этом в Эйлате, например, есть специально оборудованные площадки с кукольным театром или работавшие всю ночь аттракционы, где наши дети спокойно находятся одни, пока взрослые сидят в каком-нибудь, расположеннном недалеку кафе.

Сколь неприятно было нам в день возвращения увидеть свой собственный, запуганный преступностью город с пустыми улицами уже в одиннадцать часов вечера - час, когдаическая жизнь в из-

раильских и греческих городах только начинается.

21.Х. Утром, сразу после завтрака, поехали к египетской границе. На территории Египта в этом месте ничего особенного не было, но нам вдруг захотелось посетить еще одно государство. Элик не взял с собой паспорта, поэтому он подвез нас к границе, через которую нам пришлось переходить уже вдвоем с Машей. Это оказалось весьма несложно: нужно было пройти три поста со стороны Израиля и три - на территории Египта. И там, и там пришлось заполнить небольшую декларацию. Вся процедура заняла у нас минут пятнадцать, после чего мы оказались на территории Египта. Метрах в пятидесяти от границы, на обочине трассы мы увидели надпись ".....", у которой мы с Машей и сфотографировались по очереди. Цель тем самым была достигнута, на египетской земле мы побывали и можно было возвращаться назад. Но мы решили, что это неприлично даже здесь: пересечь государственную границу на десять минут, и решимся погулять по Египту. Спустились к морю и зашли в отель "Хилтон". "Хилтон" - известная американская компания, и отели ее разбросаны по всему миру. Это суперроскошные отели с магазинами, ресторанами и множеством других удобств. Один из них мы видели в Афинах, это был второй. Итак, проведя в Египте что-то около сорока минут, мы пройдя все те же процедуры, вернулись в Израиль. Пограничники были все же немного удивлены тому, что мы дважды пересекли границу ради сорока минут прогулки по Египту.

Элик встретил нас с бутылкой вина (вспомнилась Греция - наверное, здесь это традиция). После этого опять приехали на коралловый берег. Нам опять представилась возможность увидеть подводный мир Красного моря, теперь уже сверху. На специальных катерах со стеклянными днищами здесь совершаются экскурсии над кораллами, пассажиры таких катеров имеют возможность увидеть, что делается под водой. Опять множество рыб самых причудливых форм и расцветок, морских звезд и кораллов. Пару раз видели даже аквалангистов, которые помахали нам рукой. Как же это просто - сделать у лодки стеклянное дно - и все. И тем не менее, у нас на Черном море никто до этого пока не додумался.

Я и прежде не раз слышал, что первое, что поражает советского человека в капиталистических странах - это изобилие то-

варов, но потом это все отходит на второй план, и все больше и больше мы, советские люди, удивляемся той простоте в отношениях между людьми, учреждениями, которая царит здесь во всем и от которой мы за семьдесят лет напрочь отвыкли. Однажды мы захотели искупаться в Красном море, но так как было уже темно, мы никак не могли найти на побережье раздевалки. Я увидел двух дам, весьма солидного возраста, по всей видимости туристок из Англии или из Голландии, которые прогуливались вдоль побережья. Я спросил у них, где здесь можно переодеться и услышал в ответ: "Но ведь сейчас же темно, зайдите за уголок и переоденьтесь - нет проблем". Надо сказать, что посоветовали это мне не молодые девушки, а весьма почтенные дамы. Последняя фраза - "Нет проблем" - несколько раз стояла у меня в мозгу. Так вот в чем общее стремление западного мира - свести проблемы быта к минимуму. Вдруг сейчас, на пляже мне это стало совершенно ясно. Сколько раз в своем путешествии от самых разных людей я слышал эти волшебные слова! Я вдруг понял, что люди здесь вполне серьезно заняты тем, чтобы уберечь себя и других от ненужной трата времени, сняв проблемы быта и отношений.

/...../

За время наших поездок по дорогам Палестины мы с Эликом много говорили, в том числе и о вере. Элик Явор - человек, которого я знал с детства и с детства восхищался его выдающимися способностями в математике и в иностранных языках. Это был человек, который между делом ухитрялся следить за всеми новинками научной и художественной литературы, при этом обращаясь со своими способностями весьма беспечно, не стараясь строить себе карьеру или как-нибудь иначе преуспеть на поле битвы за общественный престиж. Теперь мне показалось, что он обрел, наконец, свое истинное призвание: не в математике, в которой он гениален, не в языках и не в истории, хотя он свободно владеет ивритом, английским, понимает и другие языки. Я думаю, что истинное его призвание - в духовных знаниях. Во всяком случае, этот предмет интересует его живо. Мне очень интересно было сравнить его опыт в иудаизме, основанный на глубоком знании священного писания в подлиннике и древних иудейских мистических учений с моим опытом в христианстве.

Идея о том, что евреи - нация священников, призванная своими страданиями спасти весь мир, несомненно интересна, но по-

моему, слишком абстрактна, чтобы быть правдой. Гораздо более достоверным представляется мне христианское учение о Царстве Небесном, которое внутри нас. Евреи – нация, получившая некогда авраамово благословение – несомненно как-то особенно способны к благодатной жизни на земле. Они ценят и проявляют братскую взаимопомощь друг другу, быть может, более, чем другие народы. Мне кажется, что они – добры и независтливы, хотя и расчетливы, но в основном, не считают, что их счастье в несчастье других. Правда, им свойственна клановость: заботясь друг о друге, они мало интересуются судьбой остальных. Однако, я думаю, что благодатная жизнь на земле – хоть и несомненный, но не самый высокий дар, данный Богом человеку, живущему в этом мире. Самый высокий, я думаю, – это Царство Небесное – дар, принесенный людям Иисусом Христом в результате его крестной смерти и воскресения, дар, примиривший человека с небом, дар, который евреи в основной своей массе почему-то не приняли.

Между тем, Царство Небесное, обретенное внутри нас – есть нечто совершенно конкретное. Это особое состояние человеческой души, сожительствующей с Богом, которого многие постигли уже здесь, на земле (разумеется, в той степени, в которой это возможно) в результате сильной веры, либо предпринятых великих трудов, либо по особой милости Божьей. Тут-то, мне кажется, и заложено глубокое противопоставление Нового завета Ветхому. Ветхий – живи по мосеевым заповедям и ты обретешь Божью благодать и благословение на земле. При этом евреи отдают эту благодать не только к себе лично, но и к своему народу в целом. И новый – живи верою во Христа и ты обретешь Царство Небесное, которое пойдет с тобой и за гроб. Царство Небесное – достояние каждого, каждой души и к нему призваны все народы без исключения. Быть может, в этом-то противопоставлении и заключено зерно конфликта между евреями и христианами и, в особенности, между евреями и русскими.

Спор между еврейским и русским народами – это спор о том, в каком народе живет Бог. Поэтому антагонизм между евреями и русскими сильнее, чем между евреями и немцами, которые их истребляли, поляками, которые их выгнали из страны, арабами, с которыми они нещадно воюют.

Два различных пути богоизбрания со временем воспитали в народах различные взгляды на нравственные ценности или по крайней мере расставили разные акценты над одними и теми же явлениями жизни.

Одни ищут Бога на земле, другие - на небе.

Так или иначе, я от всей души желаю моему другу самых серьезных успехов на поприще духовных знаний. Мне кажется, какая-то работа в нем еще не завершилась. Даи Бог этому талантливому и щедрому человеку обрести, наконец, на путях веры истинную цельность.

24.X. Последний день перед отлетом. Я ночевал у Бобы на его знаменитой вилле в городке Нес Циона. Утром, во время завтрака, он спустился в нижний холл и торжественно произнес: "Нет мира под оливами", звонила Маша Эткинд, только что прилетевшая из Канады со своим мужем Ури и сегодня вечером будет здесь...

О священная земля Палестины, начавшаяся для меня Исаком и закончившаяся Марией. Кто способен наперед угадать твои знаки?! Из всех твоих подарков последний, пожалуй, самый неожиданный.

Мания - это мое детство или, быть может, очень ранняя юность. Мы познакомились в литературном клубе "Дерзание". Она училась в одной школе с моим другом и поэтому мы вскоре стали одной компанией. Ее отец - известный литературный критик и переводчик, Ефим Григорьевич Эткинд - достаточно хорошо известная личность, один из создателей ленинградской школы литературного перевода, впоследствии вынужден был уехать с семьей во Францию, так как его изгнали со всех должностей за дружбу с Солженицыным.

Мне он запомнился веселым, жизнерадостным человеком с длинной шеей и всегда смеющимися глазами.

Маму ее, Екатерину Федоровну, я тоже хорошо помню. Русская женщина, очень любившая свою родину, говорившая мне когда-то, что в других языках нет точного аналога русскому слову "разлука".

Умереть ей довелось во Франции.

Сколько я помню Машу, ее всегда отличало какое-то особое, только ее, машинно обаяние и сердечная теплота, благодаря которой она сразу же становилась душой любой компании, всегда и всеми любимой.

Она эмигрировала в Америку лет четырнадцать назад. Вышла там замуж. Ури — ее муж, урожденный израильтянин, поэтому они регулярно бывают в Иерусалиме, где у них есть какие-то апартаменты. Вот и теперь они прилетели в Израиль с очередным визитом.

К Евбе они приехали уже к ночи, когда все были в соборе.

Мама, мне кажется, совсем не изменилась — такая же веселая...

Самолет Boeing-707, на этот раз уже израильской авиакомпании Эль-Аль, поднялся в воздух на исходе ночи с 24 на 25 октября, взяв курс на Афины. В последний раз в этот предрассветный час, в иллюминатор самолета мы увидели огни Тель-Авива. Внизу осталась израильская земля и замечательная компания друзей моего детства и юности, так щедро и гостеприимно встретивших нас здесь. Люди, с которыми я рос. Увидимся ли мы когда-нибудь еще?

*****